

22. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 13. Л. 28.
23. Там же. Л. 31.
24. Там же. Д. 7. Л. 610–611.
25. Там же. Д. 8. Л. 425–428.
26. Там же. Д. 60. Л. 207–208.
27. Там же. Д. 8. Л. 40–40 об.
28. Там же. Д. 13. Л. 29.
29. Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве. Волгоград : Перемена, 2005. 594 с.
30. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 12. Д. 8. Л. 41.
31. Там же. Д. 61. Л. 186.
32. Там же. Оп. 14. Д. 5. Л. 75–76.
33. Там же. Оп. 18. Д. 19. Л. 26.
34. Там же. Д. 29. Л. 2.
35. Там же. Д. 248. Л. 78.
36. Там же. Л. 43.
37. Там же. Л. 82 об.
38. Там же. Л. 82 об.–83.
39. Там же. Л. 1.
40. Там же. Д. 19. Л. 130.

© В. Г. Бобровников, Н. В. Дулина, Ю. Е. Игнатова

Ссылка для цитирования:

Бобровников В. Г., Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Беспризорники военного времени: вопросы социальной защиты в Сталинградской области в период 1941–1945 гг. // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 2 (3). С. 39–45.

УДК 316.7

**КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ СТУДЕНТОВ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ
 (по итогам социологического исследования)**

Н. В. Дулина

Волгоградский государственный технический университет

В статье анализируются вопросы культурной памяти, приводятся результаты социологического исследования, проведенного под эгидой Российского общества социологов и посвященного 70-летию Великой Победы. Собран обширный и во многом уникальный материал, в котором выявляется отношение студенческой молодежи к событиям Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: *память, культурная память, Великая Отечественная война, молодежь, студенты, связь поколений.*

**CULTURAL MEMORY OF STUDENTS IN MODERN RUSSIA
 (based on to the results of sociological research)**

N. V. Dulina

Volgograd State Technical University

The paper analyzes the issues relating to cultural memory, it presents the results of the sociological research carried out under the aegis of the Russian society of sociologists and dedicated to the 70th anniversary of the Great Victory. The solid and unique material obtained reveals the attitude of students' community to the events of the Great Patriotic war.

Keywords: *memory, cultural memory, the Great Patriotic war, youth, students, generation ties.*

В год празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне с особой остротой встали вопросы памяти об этом событии. Проблема исторической и культурной памяти вышла на первый план не только в научных дискуссиях (о чем свидетельствует значительно возросшее количество публикаций по данной теме (см., напр., [1–10] и др.), но и в сферах, далеких от академизма, как своеобразный отклик на основополагающие проблемы внутри современного общества. В истории России событий, которые ныне подвергаются пересмотру, год от года только прибавляется.

В настоящее время достаточно много говорят о «войнах памяти», под которыми понимают современные ненасильственные, но носящие довольно агрессивный характер противостояния. Эти войны ведутся вокруг памяти об историческом прошлом. С одной стороны, понятно: нет и не может быть единого мнения об исторических событиях мирового масштаба, даже в момент их свершения. Но что люди считают важным помнить? Каждая из сторон – участниц этого исторического события имеет свои представления об этом. Сейчас, когда из жизни по вполне понятным причинам уходят последние живые свидетели событий Второй мировой

и Великой Отечественной войны, агрессию в публичных дискуссиях мы можем наблюдать по отношению уже и к этим событиям. Появляется все больше тем, которые «не прочитываются» однозначно, как это было принято в интерпретации событий советского периода. Причины этого видятся в том, что на формирование отношения людей к тем или иным событиям телевидение (Интернет) имеет большее влияние, чем работа академических историков. Серьезную научную литературу читают специалисты, а среднестатистический житель любой страны черпает свои знания об исторических событиях из школьного учебника истории, стихов, которые он заучивает наизусть, художественной литературы, фильмов...

В качестве примера такой агрессии в дискуссиях можно сослаться на споры и столкновения мнений по поводу личности И. В. Сталина, Голодомора. Тема Холокоста особым образом зазвучала только после того, как на экраны сначала в США, а затем и в Германии вышел телевизионный мини-сериал «Holocaust» (1978). К слову, этот сериал собрал целый букет международных наград и премий. Вопрос о том, сколько в этом фильме художественного вымысла, а сколько исторически достоверного, остается открытым. Для фильма не очень важно, насколько размываются границы между выдумкой и историческими фактами, значимо другое – то, что достоверно передается эмоциональная правда сюжета истории. Но на широкое публичное обсуждение была вынесена тема Холокоста, ранее практически отсутствовавшая в средствах массовой информации.

Разрывы в преемственности культурного наследия во многих сферах культуры и общества способствуют усилению интереса к социальным аспектам феномена памяти. Есть основания говорить о том, что самоидентификация народов, проживавших на территории бывшего СССР и проживающих в настоящее время на территории России, после катастрофических событий прошлого века становится все более проблематичной. Общество, пережившее состояние анонимии, трудно принимает новые ценности и привыкает к новым символам. Но, несмотря на происшедшие в стране в XX веке события, целостность России во многом определяется общностью именно культурно-исторической памяти, сохраняющей ее образ.

Интерес к вопросам исторической и культурной памяти сопряжен также с почти всеобщим ощущением конца определенной культурной традиции, заставляющим задуматься о сохранении исторической памяти и прерывности в истории. А. И. Неклесса пишет: «Мир Нового вре-

мени стремительно уходит в прошлое. Обозначился системный кризис архитектоники общества, основанного на определенности национальных культур и устойчивости ценностно-рациональных форм мироустройства. Ветшают и рассыпаются его основополагающие институции: национально-государственная система международных отношений, международное право, базирующееся на незыблемости национального суверенитета, классическая экономика, просуществовавшая не одно столетие, однако задвигаемая теперь в тень виртуальной неэкономикой финансовых технологий» [11, с. 165]. «Нарастает ощущение исторического перелома, вступления общества в какую-то новую фазу с неясными еще очертаниями и альтернативами», – пишет Г. Г. Дилигенский [12, с. 36]. У этого же автора читаем: «Фундамент цивилизации образуют те продукты культуры, которые способны придать определенный смысл, определенную мотивацию и направленность человеческой деятельности на протяжении большой исторической эпохи, выполнить функцию интеграции – интегрировать человеческую общность, превосходящую по своим временным и пространственным масштабам отдельные социальные группы и даже целые общества» [12, с. 32]. В связи с этим возникает вполне закономерный вопрос: что люди считают важным помнить, сохранять в своей культуре? И почему помнят именно это, а не что-то иное? Ведь каждое историческое событие конечно (имеет свое начало и свой конец), но в общую канву истории оно «вплетается» умелой рукой человека, занимая там определенное место, и отношение к этому событию потомков (последующих поколений) формируется на основе «прочтения» события предшествующими поколениями. Иначе говоря, общество, вырабатывая культуру памяти о прошлом, продуцирует собственные воображаемые образы и проносит свою идентичность сквозь смену поколений. Память, как напоминает А. П. Романова, – это уникальная способность, которой обладает человек, способность, позволяющая ему создавать и поддерживать социум [13].

Говоря о разрывах в преемственности культурного наследия, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство, а именно на нарастание разрыва в знании отечественной истории и культуры между поколениями современной России.

Что из далеких «сороковых-пороховых» прошлого века охраняется и бережно сохраняется социумом? То, что хранится в сердцах предстателей старшего поколения о тех временах, – находит ли оно отклик в сердцах и душах моло-

дежи? Как студенты, то есть авангард молодежи, те, кто будет определять уже в ближайшее время будущее страны, относятся к событиям 70-летней давности? Как понимают эти события – эмоционально или рационально? Что знают о тех далеких днях, что для них является «местом памяти»?

Как сформулированные выше, так и другие вопросы были заданы российским студентам в ходе прикладного социологического исследования, инициированного Российским обществом социологов (РОС). Полевой этап занял большой промежуток времени (ноябрь 2014 – январь 2015 г.), что вполне оправдано масштабами и территорией охвата выполненного исследования. Всего в ходе исследования было опрошено около 5 тыс. (4754) студентов из полусотни вузов почти 30 городов России. Представительство в выборке не обеспечено только по двум федеральным округам – Северо-Западному и Крымскому. Научные руководители проекта: Ю. Р. Вишневецкий (г. Екатеринбург, УрФУ), Н. В. Дулина (г. Волгоград, ВолгГТУ), Е. Н. Икин-грин (г. Нижневартовск, НГУ), Е. И. Пронина (г. Москва, ИС РАН). Технические параметры проведенного исследования представлены на официальном сайте РОС и в опубликованных материалах [14].

Упомянутое выше исследование – уже третья по счету волна проекта, начатого РОС еще в 2005 г. Общее название проекта: «Российское студенчество о Великой Отечественной войне». Первая волна проекта была проведена в канун 60-летия Великой Победы (в марте 2005 г.). Тогда было опрошено более 2000 студентов из разных регионов России. В 2010 г., к 65-летию победы советского народа в Великой Отечественной войне исследование повторили. Во второй волне проекта приняли участие более 3500 студентов 36 вузов из 15 городов России.

В силу инициативного характера исследования (отсутствия у него заказчика, а соответственно, и финансирования) на всем протяжении проекта исследование носит зондажный характер, задача репрезентации выборки не ставится, полученные результаты могут распространяться только на исследованную совокупность либо использоваться как справочные. Однако объем «поля» позволяет, как нам представляется, не только предложить достаточно большой объем информации для размышления, но и сделать вполне обоснованные выводы. Результаты исследования всегда выносятся на публичное обсуждение, докладываются на научных конференциях, составляют основу индивидуальных и коллективных монографий (см., напр., [1, 3, 4, 7, 9, 15] и др.). Заметим, что вопросы исторической и культурной памяти

студентов постоянно выступают предметом наших научных изысканий, мы обращаемся к ним регулярно в ходе как самостоятельно выполненных, так и коллективных исследований (см., напр., [1, 5–7, 9, 16–19] и др.).

Предваряя представление результатов, полученных в ходе социологического исследования, и не погружаясь глубоко в теорию вопроса, заметим лишь, что в рамках наших рассуждений особый интерес представляют две работы, уже признанные классическими. Первая – это исследование Я. Ассмана «Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» [20], посвященное исследованию феномена культурной памяти. Вторая – «Коллективная и историческая память» М. Хальбвакс [21].

Ян Ассман в своей работе выделяет четыре вида памяти: миметическую (предполагающую запоминание посредством подражательного повторения действий), «память вещей» из повседневного быта (или предметную память), осуществляющую «привязку» человека к миру, в котором он живет, коммуникативную и культурную. В рамках наших размышлений наибольший интерес представляют два последних в этом перечне вида памяти, поэтому остановимся на них чуть более подробно.

На важность выделения в структуре памяти коммуникативной и культурной составляющей обращают внимание многие исследователи. Так, например, Е. В. Романовская видит заслугу Я. Ассмана именно в том, что он «ввел принципиальное различие между «живой» коммуникативной и символической культурной памятью – между устной традицией, возникающей из опыта пережитого и культивации воспоминаний в контексте межличностных взаимодействий в повседневной жизни, и традицией формализованной, выходящей за рамки опыта отдельных людей или групп и выраженной в памятных местах, датах, церемониях, в письменных, изобразительных и монументальных памятниках» [22, с. 40].

Отличительной особенностью коммуникативной памяти является степень ее малой формализации, это беседа двух (или более) людей, которая обычно начинается со слов: «Как сейчас помню... было это...»; это, скорее, устная традиция, возникающая в интерактивном контексте человеческих отношений в повседневной жизни. В такой коммуникации происходит эмоциональное переживание рассказчика и сопереживание других участников беседы. Коммуникативная память – это своего рода «живое воспоминание», существующее, по историческим меркам, очень недолго, всего-то на протяжении жизни трех поколений: дети – отцы –

деды. В этом случае «главным предметом истории становится не событие прошлого как таковое, а *память* о нем, тот образ, который запечатлелся у переживших его участников и современников» [22, с. 41].

Именно недолговечность коммуникативной памяти (всего 80–100 лет) и отсутствие общепризнанных «пунктов фиксации», связывающих ее с глубоким прошлым, в первую очередь, отличают коммуникативную память от культурной. Кроме того, коммуникативная память всегда избирательна («тут помню – тут не помню»; это не хочу, не позволяю себе помнить; хочу забыть, вытесняю из своей памяти и т. д.). А еще она является глубинным источником человеческого воображения [22, с. 40]. Всем, кто хоть единожды посмотрел кинофильм «Неуловимые мстители», памятна ставшая крылатой фраза, вложенная в уста командарма Буденного, который, обращаясь к главным героям, сказал: «Потом сами расскажете, когда мир наступит. Приврете маленько, как полагается. Красиво не соврать – истории не рассказать. Но это после. А сейчас вы бойцы регулярной Красной Армии...»

Если говорить о культурной памяти, то ее отличительной особенностью является то, что формируется она очень долго, веками. Ее основная характеристика – это высокая степень формализации, и возникает такая память в поле церемониальной коммуникации. «Пунктами фиксации» или «объективированными формами» культурной памяти Я. Ассман считает тексты, изображения, монументальные постройки, например египетские пирамиды, надписи и изображения в них. К ней же можно отнести ритуалы и сакральные действия как институционализированные формы коммуникации, которые, будучи «фигурами воспоминания», как бы возвышаются над временем. Носителями культурной памяти являются уже не обязательно современники «актуального сообщества вспоминающих», а особые (иногда профессиональные) хранители и носители традиции, например жрецы. Как замечает Е. В. Романовская, «понятие «память» употребляется в значении «общий опыт, пережитый людьми совместно» (речь может идти и о памяти поколений), и более широко – как исторический опыт, отложившийся в памяти человеческой общности» [22, с. 41].

Культурная память не живет сама по себе, она обязательно связана с социальными группами, для которых она служит условием самоидентификации, укрепляя в них ощущение единства и собственного своеобразия (это – мы, и мы это помним, но, «в отличие от индивидуальной памяти, групповая память не имеет физиологической основы, ее замещает культура»

[23]). На что, по нашему мнению, важно обратить внимание. Как отмечает Ю. А. Арнаутова, культурная память имеет «реконструктивный характер», то есть имплицитированные в ней ценностные идеи, степени релевантности, равно как и все транслируемое ею «знание о прошлом», непосредственно связаны с актуальной для настоящего момента ситуацией в жизни группы [24, с. 50]. И далее: «В этом смысле эвристически ценным может быть сравнение разных «культур воспоминания» (Я. Ассман, в частности, сравнивает Древний Египет, Израиль и Грецию) с их специфическими видами мнемотехники, фиксирующими свойственные этим культурам традиции культурной памяти. К примеру, в искусстве надгробных монументальных памятников древних египтян, с изображениями в них, память (memoria) живых о мертвых, об их деяниях и славе (fama) переплетается с памятью о богах, что сразу же задает ей «космический масштаб», и с практикой литургического поминовения в культе. Таким образом возникает «социальная сеть», в которой живые, мертвые и боги связаны между собой, помнят друг о друге, действуют друг для друга. Эта «сеть» и есть связующий компонент общества и одновременно залог «правильного» (в масштабах космоса) течения жизни» [24, с. 50–51].

Возвращаясь к реалиям современной жизни, можно сказать, что коммуникативная память как «живое воспоминание» о событиях Великой Отечественной войны практически уже не работает. Основная причина – время, которое определяет недолговечность этого вида памяти. 70-летие Победы встречали уже даже не внуки, а правнуки героев тех событий [25]. На первый план выходит культурная память, носителями и хранителями которой должна быть, в первую очередь, молодежь. Именно ей предстоит создавать условия культурной преемственности, разворачивающейся в виде культурных традиций.

Однако, как уже было отмечено выше, культурная память – феномен коллективный, но она не представляет собой простую (механическую) сумму индивидуальных воспоминаний. Мысль о том, что коллективная память создается определенной социальной группой и в ее возникновении участвуют разные факторы, впервые была высказана М. Хальбваксом, который предложил акт воспоминания в истории, коллективные воспоминания («коллективная память», по Хальбваксу) рассматривать как общественный феномен, необходимый в социальной практике для выживания общества.

М. Хальбвакс выделяет два вида памяти: внутренняя (личная, автобиографическая) и внешняя (социальная, историческая). Первая,

безусловно, использует вторую, так как жизнь человека – это часть истории, вторая же – шире первой и более суха и схематична. Чтобы уточнить разницу между двумя видами памяти, ученый обращается к феномену социального времени. «Наши жизни расположены на поверхности обществ, они повторяют их движение и испытывают на себе последствия их сотрясений. Но то или иное событие занимает свое место в ряду исторических фактов лишь через некоторое время после того, как оно происходит. Стало быть, мы можем привязать различные фазы нашей жизни к событиям национального масштаба лишь задним числом» [21, с. 10].

В связи с этим и возникает вопрос: в условиях, когда коммуникативная память практически уже не имеет влияния, работает ли культурная память? Кто в настоящее время претендует на роль профессионального хранителя и носителя традиции? Какой вид памяти (внешняя или внутренняя) играет первую скрипку в формировании культурной памяти? И соотносит ли молодежь различные периоды своей жизни с событиями национального масштаба семидесятилетней давности? И какова, в конечном итоге, культура памяти современных студентов?

Данные, полученные в ходе социологического исследования, представленного выше, дают ответы как на перечисленные, так и на ряд других вопросов (см. табл. 1, 2). Более трех четвертей опрошенных студентов (78,9 %) не поддержали мнение, что «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно». Важным является и тот факт, что почти половина респондентов (46,3 %) сказали, что для них День Победы – это «день памяти о родных, прошедших войну». В том, что «подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений», уверены 60,4 % студентов.

Таблица 1
Мнение студентов по поводу Дня Победы

Варианты ответов на вопрос	%
Согласны ли Вы с мнением: «Великая Отечественная война была давно, мне это не интересно»?	
Согласен	2,2
Не очень согласен	13,2
Не согласен	78,9
Нет ответа	5,7
Чем для Вашей семьи является День Победы?	
«Праздник со слезами на глазах»	39,8
День памяти о родных, прошедших войну	46,2
Просто выходной	7,6
Нет ответа	6,4

Свидетельством того, что 9 Мая действительно является самым важным праздником из всех существующих, что связь поколений не прервана, коммуникативная память еще ра-

ботает (пусть не в виде устной речи, а с помощью иных носителей информации), служит тот факт, что в семьях почти половины опрошенных студентов (45,9 %) до сих пор хранятся реликвии военных лет (см. табл. 3).

Таблица 2
Отношение студентов ко Дню Победы

Варианты ответов на вопрос	%
Приближается 70-летие Победы. Какие мысли и чувства вызывает у Вас эта дата?	
Память о минувшей войне сохранится в сознании моих сверстников	10,8
Подвиг старших поколений, их самоотверженность и любовь к Родине будут и в будущем примером для новых поколений	60,4
С годами память о войне все более стирается в сознании новых поколений, ее заслоняют иные события и проблемы	18,4
Героизм и самопожертвование во время Великой Отечественной войны становятся чуждыми значительной части молодежи	8,5
Нет ответа	1,9

Таблица 3
Ответы студентов о хранении в их семьях реликвий военных лет

Варианты ответов на вопрос	%
Хранятся ли в Ваших семьях реликвии военных лет?	
Да	45,9
Нет	48,2
Нет ответа	5,9
Какие реликвии у Вас хранятся?	
Письма	23,9
Фотографии	67,7
Награды	67,0
Вещи военных лет	23,5
Другое	3,9

С победного 1945 года в стране сменилось уже три поколения (недолговечность коммуникативной памяти – всего-то 80–100 лет – проявляется все в большей степени), подрастает четвертое... Роль «живого воспоминания» все чаще выполняют реликвии военных лет, которые тоже подвержены влиянию времени и, к сожалению, приходят в негодность. В семьях уже хранится самое важное, бережно передаваемое более молодым, значимое для семьи, как связь сквозь время и пространство с теми, кто остался за чертой, разделяющей мир на «до» и «после». И плетется, если говорить словами Я. Ассмана, та самая «социальная сеть», в которой живые и мертвые связаны между собой, помнят друг о друге, действуют друг для друга. Эта «сеть» и есть связующий компонент общества и одновременно залог «правильного» течения жизни.

Без сомнения, главными «проводниками» в этой «социальной сети», соединяющими живых и мертвых во времени и пространстве (в терминологии Я. Ассмана – «фигурами воспоминания»), являются фотографии и награды,

именно о них в своих ответах студенты вспомнили почти в три раза чаще, чем о письмах и вещах военных лет. И, наверное, не только потому, что письма в большей степени подвержены износу со временем. Награда военного времени – это свидетельство подвига, гордости за своих предков. Боевая награда – это та самая, как писал Я. Ассман в своей работе, приподнятость над обыденностью и повседневностью, которой так не хватает в настоящее время, чтобы и себя почувствовать героем уже нашего времени.

То, что именно награды будут главным документальным свидетельством связи людей (и в первую очередь по родству, по крови) в пространствах времени удивительным образом предсказал А. Т. Твардовский:

Нам свои боевые
 Не носить ордена.
 Вам – все это, живые.
 Нам – отрада одна:
 Что недаром боролись
 Мы за родину-мать
 Пусть не слышен наш голос,
 Вы должны его знать [26].

Таковыми же «проводниками» («фигурами воспоминания») памяти о событиях Великой Отечественной войны (в отсутствие коммуникативной памяти) выступают и художественные произведения, в том числе и фильмы (следует признать, что современная молодежь читает мало, предпочитая увидеть «собственными глазами»). Свое отношение к фильмам военной тематики студенты высказали, отвечая на один из вопросов анкеты (см. табл. 4). В целом по России почти три четверти опрошенных студентов сказали, что они такие фильмы смотрели (лишнее доказательство того, что все-таки предпочитают увидеть «собственными глазами»). Однозначно сказать, что отдается предпочтение какой-то одной группе фильмов по времени их создания, советским или современным, не представляется возможным, поскольку студенты смотрят и те, и другие фильмы приблизительно одинаково. Но если на что и следует обратить внимание, так это на тот факт, что почти четверть респондентов фильмов о войне не смотрела вообще никаких – ни советских, ни современных.

Среди наиболее популярных у студентов фильмов оказались: «А зори здесь тихие...» (его посмотрели 24,6 % респондентов), «В бой идут одни старики» (20,8 %) и «Сталинград» (17,9 %). Далее с заметным отрывом от первой тройки лидеров идут такие фильмы, как «Брестская крепость» (9,2 %), «17 мгновений весны» (6,2 %), «Судьба человека» (5,9 %), «Мы из будущего» (5,6 %), «Они сражались за Родину» (5,4 %). Все остальные фильмы, упомяну-

тые студентами в своих анкетах, не перешагнули пятипроцентного барьера. Обратим внимание, два фильма из тройки лидеров студенческих предпочтений – это ленты, ставшие уже классикой советского кино, удивительно жизненные и пронзительные своей человеческой болью и утратой жизни на войне.

Таблица 4

Просмотр студентами сериалов и фильмов о Великой Отечественной войне

Варианты ответов на вопрос	%	
	Смотрел	Не смотрел
В последнее время телевидение показало ряд сериалов и фильмов о войне. Смотрели ли Вы их?		
Сериалы, поставленные в советское время	73,4	26,6
Современные сериалы	72,8	27,2

Отношение студентов к современным сериалам отражено в таблице 5. Легко заметить, что большинство студентов (а это три четверти опрошенных: 8,9 + 64,6 %) готовы принять «новое прочтение» событий ВОВ в современных сериалах. Однако каждый шестой (15,8 %) от числа опрошенных обеспокоен тем, что «война и ее участники изображаются скорее негативно», а это «подрывает уважение к людям, прошедшим войну». Может, они чуть лучше своих сверстников знают историю Великой Отечественной войны? Беспокойство вполне оправданное, поскольку неуважение к людям, прошедшим страшную войну и выжившим в ней, ведет к коррозии общей для народа памяти. И кто готов принять на себя ответственность за разрушение «социальной сети» времени-пространства поколений, претендуя на роль современных жрецов – хранителей памяти и традиций? Я. Ассман не случайно среди прочих отличительных черт «фигур воспоминания» указывал на важные для потомков: а) воплощенность в определенном пространстве, б) приподнятость над обыденностью и повседневностью, в) наличие центральной власти как возбудителя воспоминания.

Таблица 5

Отношение студентов к современным фильмам и сериалам о Великой Отечественной войне

Варианты ответов на вопрос	%
С какими суждениями про современные фильмы и сериалы о войне Вы, скорее всего, согласитесь?	
Наконец-то перестали приукрашивать события, участников Великой Отечественной войны	8,9
Очевидно, была и такая война, и новые поколения должны знать всю правду	64,6
Война и ее участники изображаются скорее негативно, что, по-моему, подрывает уважение к людям, прошедшим войну	15,8
Нет ответа	10,7

Цифры, свидетельствующие о том, что большинство студентов (64,6 %; см. табл. 5), присоединились к мнению «Очевидно, была и такая война, и новые поколения должны знать всю правду», говорят, видимо, о неумении отделить в художественном произведении вымысел от исторического факта, о чем мы уже упоминали выше.

Принимая во внимание результаты опроса, есть основание говорить о том, что разбиваются «рамки памяти», под которыми М. Хальбвакс понимал те опорные маркеры, в которые вписывается индивидуальная память. Это «опорные пункты фиксации», которые очерчивают память определенного коллектива (в нашем случае – студентов). Как отмечает А. П. Романова, «коллективная память устремлена как в прошлое, так и в будущее. Каждая культура действует как некое связующее звено между социальным слоем прошлого и настоящего» [13]. Традиции российской культуры, продемонстрировавшей связь прошлого и настоящего, воплотились в концепции Бессмертного полка. Простая идея – взять фотографию своего родственника-солдата и прийти 9 Мая на построение Бессмертного полка в месте своего проживания – получила поистине всенародную поддержку. По данным, представленным на официальном сайте Бессмертного полка, по состоянию на 28.08.2015 г. в летопись полка записано 286 635 имен [27].

Следствием разрушения «рамок памяти» может служить портрет патриота страны, «написанный» рукой современных студентов (см. табл. 6).

Таблица 6

Мнение студентов о том, что значит сегодня быть патриотом России

Варианты ответов на вопрос	%
Уважать и знать историю России	72,5
Испытывать гордость за свою страну	68,2
Уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны, людям пожилого возраста, инвалидам	60,9
Испытывать чувство ответственности за происходящее в стране	39,7
Быть готовым к самопожертвованию ради интересов страны	35,7
Не уклоняться от службы в армии	29,2
Принимать участие в общественной и политической жизни страны	24,8
Честно и добросовестно трудиться	21,1
Обладать чувством хозяина в своей организации, городе, стране	5,9
Покупать в основном отечественные товары	5,6
Что-то другое	2,4
Нет ответа	6,3

Современный патриот, как представляют себе его студенты, – человек, к сожалению, в большей степени пассивный, со стороны

наблюдающий за тем, что происходит в его стране. Но справедливости ради надо отметить, что такие «портреты патриота» пяти- и десятилетней давности выглядели еще более скромно. Принимать участие в общественной и политической жизни страны собирался только каждый пятый от числа опрошенных студентов, о том, чтобы не уклоняться от службы в армии, задумывались не более 10 %, но вот на обладание чувством хозяина в своей организации, городе, стране претендовало вдвое больше респондентов, чем сейчас.

В одном материале невозможно представить все данные, полученные в ходе социологического исследования. Завершая изложение небольшой части результатов, следует констатировать, что в большинстве своем современные студенты и знают, и «слышат голос войны», так же как и готовы уважать и знать историю России (72,5 %), испытывать гордость за свою страну (68,2 %), уважительно относиться к участникам Великой Отечественной войны и т. д. (см. табл. 6). Однако данные того же исследования, как приведенные выше, так и не вошедшие в данный материал, свидетельствуют, что четверть опрошенных студентов постоянно «выпадает», и это уже не может не вызывать беспокойства.

В эпохи резких культурных изменений, одно из которых в очередной раз переживает Россия, остро стоит вопрос о том, что и как следует сохранить. Как отмечает Е. В. Андреева, в моменты «переходов» образы прошлого несут двойную нагрузку. В их наборе, соотношении, наполнении, взаимодействии отражаются те трансформации, которые происходят в обществе. В то же время они нагнетают или тормозят изменения, то есть задают вектор и сценарий трансформаций. При этом соответствующие образы прошлого обеспечивают разные варианты трансформаций: они указывают на определенный набор социальных моделей, адресующихся к различным вариантам ценностных ориентаций, в рамках которых осуществляется общественный выбор. Избавляясь от одних образов прошлого, общество указывает на то, каким оно не хочет (и /или неспособно) быть [23].

Нет сомнений в том, что существует настоятельная необходимость сохранения образа победы в Великой Отечественной войне в тех социальных моделях будущего, которые студенты разрабатывают и создают уже сегодня, чтобы не пришлось вслед за П. Нора признавать: «...О памяти столько говорят только потому, что ее больше нет. Интерес к местам памяти, где память кристаллизуется и находит свое убежище, связан именно с таким особым моментом нашей истории. Это поворотный пункт, когда осозна-

ние разрыва с прошлым сливается с ощущением разорванной памяти, но в этом разрыве сохраняется еще достаточно памяти для того, чтобы могла быть поставлена проблема ее воплощения. Чувство непрерывности находит свое убежище в местах памяти. Многочисленные места памяти (*lieux de mémoire*) существуют потому, что больше нет памяти социальных групп» [28, с. 17].

П. Нора напоминает, что «память – это жизнь, носителями которой всегда выступают живые социальные группы, и в этом смысле память находится в процессе постоянной эволюции. Она открыта диалектике запоминания и амне-

зии, не отдает себе отчета в своих последовательных деформациях, подвластна всем использованиям и манипуляциям, способна на длительные скрытые периоды и внезапные оживления. История – это всегда проблематичная и неполная реконструкция того, чего больше нет. Память – это всегда актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим» [28, с. 2]. Для россиян память о Великой Отечественной войне – это жизнь...

Ускорение истории – факт, но не хотелось бы столкнуться с другим фактом, а именно – с разрывом с прошлым у современных студентов.

Список литературы

1. Ануфриев Д. П., Дулина Н. В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В. Патриотизм в менталитете современной молодежи: Астрахань – Волгоград (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвузовский сборник научных статей. № 2 (155). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 20. С. 12–17.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М. : Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. «Война была... вчера». Российское студенчество о Великой Отечественной войне / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого и В. Т. Шапка // Новый ковчег. 2005. № 2. С. 8–13.
4. Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. 312 с.
5. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Живи и помни: студенты России о Великой Отечественной войне (По итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. С. 177–184.
6. Дулина Н. В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В. Менталитет молодежи в условиях социокультурной модернизации // Модернизация полиэтнического макрорегиона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития : материалы Всероссийской научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 18–19 сентября, 2014 г.) / отв. ред. акад. Г. Г. Матишов. Ростов-на-Дону : Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 41–46.
7. Дулина Н. В., Каргаполов С. В., Каргаполова Е. В., Хамзяева О. С. Великая Отечественная война: общее и особенное в мнениях студентов федеральных округов России // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. С. 202–208.
8. Икингрин Е. Н., Пронина Е. И. Актуальные проблемы патриотического воспитания молодежи // Современное российское студенчество: историческая память о Великой Отечественной войне и формирование патриотизма и гражданской ответственности / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : УрФУ, 2011. С. 199–203.
9. Каргаполова Е. В., Миронова Ю. Г., Хамзяева О. С. Великая Отечественная война в социальной памяти молодежи Астрахани и Волгограда (по итогам социологического исследования, посвященного 70-летию Великой Победы) // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвузовский сборник научных статей. № 2 (155). Волгоград : ВолгГТУ, 2015. Сер. Проблемы социально-гуманитарного знания. Вып. 20. С. 98–101.
10. Саралиева З. Х., Широкалова Г. С., Кузонков П. И. Учащиеся о Великой Отечественной войне. Н. Новгород : Изд-во НИСОЦ, 2015. 49 с.
11. Неклеса А. И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Знамя. 1998. № 1. С. 165–180.
12. Дилигенский Г. Г. «Конец истории» или смена цивилизаций? // Вопросы философии. 1991. № 3. С. 29–42.
13. Романова А. П. Культурная память как один из видов социальной памяти. URL: http://www.eternalfrontier.org/?page_id=165.
14. Вишневецкий Ю. Р., Дулина Н. В., Икингрин Е. Н., Пронина Е. И. Из опыта организации и проведения Всероссийским обществом социологов всероссийских социологических опросов // V социологическая Грушинская конференция «Большая социология: расширение пространства данных». 12–13 марта 2015 г. : материалы конференции. М. : ВЦИОМ, 2015. С. 450–453.
15. Саралиева З. Х., Балабанов С. С., Кузонков П. И. Великая Отечественная война в памяти поколений / под ред. Е. В. Чупрунова. Н. Новгород : Изд-во Нижегородского гос. ун-та им. Н. И. Лобачевского, 2010. 63 с.
16. Дулина Н. В., Овчар Н. А. Не прошедшее время: студенчество о Великой Отечественной войне // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 9 (69) / ВолгГТУ. Волгоград, 2010. С. 164–166.
17. Дулина Н. В., Овчар Н. А., Токарев В. В. К вопросу о самоидентификации студенческой молодежи в новой социокультурной реальности (по итогам прикладного социологического исследования) // Известия Волгоградского государственного технического университета : межвуз. сб. науч. ст. № 2 (129) / ВолгГТУ. Волгоград, 2014. С. 45–51.
18. Дулина Н. В., Овчар Н. А., Токарев В. В. Патриотические ценности современной студенческой молодежи: между Россией и Западом (по итогам проведения социологического исследования) // Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования : материалы XVIII Международной конференции / ред. коллегия: Е. В. Грунт, Г. Б. Кораблева, А. В. Меренков, Л. Л. Рыбцова, А. В. Старшинова. Екатеринбург : УрФУ, 2015. С. 167–177.
19. Парамонова В. А., Дулина Н. В. Формирование патриотических убеждений современной молодежи на фоне подготовки ко Дню Победы // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. С. 213–218.

20. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / пер. с нем. М. М. Сокольской. М. : Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
21. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 8–27.
22. Романовская Е. В. Морис Хальбвакс: культурные аспекты памяти // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2010. Т. 10: Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 3. С. 39–44.
23. Андреева Е. В. Культурное наследие как ядро культурной памяти и его роль в сохранении духовной целостности Российской цивилизации : автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2007. URL: <http://cheloveknauka.com/kulturnoe-nasledie-kak-yadro-kulturnoy-pamyati-i-ego-rol-v-sohranении-duhovnoy-tselostnosti-rossiyskoy-tsivilizatsii>.
24. Арнаутова Ю. А. Культура воспоминания и история памяти // История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени / под ред. Л. П. Репиной. М. : Кругъ, 2006. С. 47–55.
25. Дулина Н. В., Икингрин Е. Н. Правнуки Победы. Какие они? // Война была позавчера... Российское студенчество о Великой Отечественной войне: Материалы мониторинга «Современное российское студенчество о Великой Отечественной войне» / под общ. ред. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2015. С. 236–240.
26. Твардовский А. Т. Я убит подо Ржевом. URL: http://lit.peoples.ru/poetry/alexandr_tvardovsky/poem_17406.shtml
27. Бессмертный полк. URL: <http://moypolk.ru/>
28. Нора П., Озуф М., Пюимеж Ж. де, Винок М. Франция – память. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. 328 с.

© Н. В. Дулина

Ссылка для цитирования:

Дулина Н. В. Культурная память студентов современной России (по итогам социологического исследования) // Социально-гуманитарный вестник Прикаспия : научный журнал / Астраханский инженерно-строительный институт. Астрахань : ГАОУ АО ВПО «АИСИ», 2015. № 2 (3). С. 45–53.

УДК 316.344.8

САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Е. В. Каргаполова, О. С. Хамзяева

Астраханский инженерно-строительный институт

На основе результатов конкретного социологического исследования в Астраханской области проанализирована проблема самоидентификации как фактора социальной адаптации к изменяющимся условиям современного мира.

Ключевые слова: самоидентификация, социальная адаптация, социальная стратификация, социальный слой, средний класс.

SELF-IDENTIFICATION AS A FACTOR OF SOCIAL ADAPTATION OF THE POPULATION IN ASTRAKHAN REGION

E. V. Kargapolova, O. S. Hamzyaeva

Astrakhan Institute of Civil Engineering

The paper analyzes the problem of self-identification as a factor of social adaptation to the variable conditions of the modern world. The analysis is given on the basis of the sociological research carried out in Astrakhan region.

Keywords: self-identification, social adaptation, social stratification, social group, middle class.

В современной России адаптационный процесс заключается не только в преобразовании ценностей и форм социально-экономического поведения, но и в высоком уровне переустройства самой общественной среды, изменения которой не всегда учитывают адаптивный потенциал населения. При этом самоидентификация населения – важнейший фактор социальной адаптации населения.

Годы преобразований способствовали изменению общественного устройства российского общества, поэтому проблеме его стратификационной системе уделяется огромное внимание. Особенно остро рассматривается вопрос о среднем классе, так как именно этот социальный слой поддерживает общественно-политическую стабильность и порядок, создает условия устойчивого экономического прогресса, является фундаментом и главной силой реформ. При этом идентификационный признак

среднего класса является интегральным показателем социальной адаптации населения в условиях современных процессов трансформации общества.

Значительный вклад в формирование теоретического представления о среднем классе внес М. Вебер, который понимал под средним классом тех, кто «владеет всеми видами собственности или обладает конкурентоспособностью на рынке труда благодаря соответствующей подготовке» [1, с. 154]. Он считал, что представителями среднего класса могут быть предприниматели (сельскохозяйственные и промышленные), банкиры, финансисты, купцы. Также М. Вебер выделяет так называемый «потенциальный средний класс», представленный людьми «свободных» профессий, но имеющими хорошую подготовку и образование, а также рабочих, которые являются монополистами в сфере труда благодаря своеобразным